

Такеда Харуна

Кровь закипела в жилах от того, что говорили обо мне. Несмотря на гнев, я смогла совладать с собой. Ведь эти люди были ни при чём.

Как правило, в семьях знатных самураев родители практически не занимаются воспитанием. Когда ребёнку исполняется шесть-семь лет, его поручают наставнику. Но не исполнилось мне и четырёх, как отец решил поручить опёку своему вассалу — Итагаки Нобукате. Он был ровесником Такеды Нобутору и его верным слугой.

Не знаю, может причина была в том, что у него не было детей, но он тепло относился ко мне. Итагаки практически заменил мне отца.

Первые месяцы в чужом доме были для меня пыткой. Я просила, умоляла и грозилась наставнику, дабы меня отправили обратно. Но он упрямо заявлял, что теперь это мой новый дом. Проходили дни и в конце концов я смирилась. Итагаки обучал меня всему, что знал сам. Обычно, мы с утра занимались чтением и после переходили к играм. Я часто ездила верхом на его спине, он был только рад. Жаль, что у меня с родным отцом не было таких отношений.

Четыре года спустя, Итагаки привез меня обратно в родной дом. Отец собрал доверенных вассалов и велел мне продемонстрировать свои умения. Я старалась как могла и у меня неплохо получалось. В верховой езде мне не было равных. Но отец желал преподать мне урок и приказал провести поединок на мечях. Мне было всего восемь лет, а оппоненту было шестнадцать. Очевидно, кто стал победителем.

— Ты позоришь весь клан, — мой отец был очень недоволен.

— Нобутору, она всего лишь ребенок, — мягко возразил Итагаки.

К лорду по имени при свидетелях могли обращаться только самые достойные вассалы, не раз проливавшие кровь за него. Кроме Итагаки, в разговоре с лордом проявить неформальность могли еще два человека. Это Амари и Обу — оба заслуженные герои провинций Каи.

— Ты смотришь на нее предвзято. Я — ваш лорд и даже на собственного ребенка должен смотреть иначе, чем другие родители!

Сказав это, отец вышел из зала.

После этого я редко называла Такеду Нобутору своим отцом. Стена отчуждения возникла не сразу. Будучи ребенком, я все ещё надеялась, что отец меня примет. Часто участвовала в весенних состязаниях среди воинов. Но несмотря на полученные награды и хвалебные отзывы, его сердце не смягчилось.

Сначала из-за обиды, но вскоре специально я начала вести себя несерьёзно. Давно заметила с какой любовью и теплотой отец смотрел на мою младшую сестренку, Нобусину. В любых играх, что носили в себе соревновательный характер, отец ставил нас друг против друга. Не важно сёги это или просто бег, я намеренно проигрывала своей сестре...

Вспоминая об этом сейчас в кузнице, понимаю, что таким образом я искала внимания отца. Неудивительно, что даже крестьяне были невысокого мнения обо мне. Я давно уже привыкла играть дурочку-простушку, скрывая свои настоящие эмоции. Среди ровесников у меня не было друзей, даже слуги находились рядом строго по необходимости. С каждым годом Итагаки всё больше увязал в делах провинции. Не желая больше выносить всё это, я часто гуляла по замку, затем, — по городу. И вскоре не осталось мест в Каи, которые я не обошла. Итагаки всё понимал и не стал запрещать путешествовать, а вот отец как всегда осуждал меня.

Честно сказать, я удивлена тому, что крестьяне решили здесь обосноваться. Если не считать равнину среди гор, больше нигде было сеять рис. Да и вряд ли здесь когда-нибудь построят дорогу.

Три главных маршрута вели в нашу провинцию. Южная дорога разделялась на две — одна шла на юго-восток, в Мусаси, а другая — на юго-запад, в Суруга. На севере, в Каи, можно было пройти по дороге, ведущей в провинцию Синано.

Еще в детстве из уроков Итагаки, я поняла, что дороги — важный элемент управления провинцией. Благодаря построенным дорогам, деревни могли торговать с городами, да и на скорость передвижения армий они так же влияют.

Я не могла предположить, что этот день сулит мне встречу с интересными людьми. В своих путешествиях я часто завязываю короткие знакомства. Многие, может, и забывают встречу со мной на следующий день, но только не я.

Заброшенный храм был посвящён богу войны — Хатиману. Легенды гласят, что в этих землях смертные не раз видели его. Когда-то люди со всего Ямато шли просить у бога удачу. Но из-за нескончаемых войн люди перестали посещать храм. Сейчас, кроме немногих воинов, про него все забыли. Ведь война радует только самураев, но не простой люд.

Причина, по которой я решила попросить у бога помощи была в том, что скоро отец должен был взять меня в поход. Мне пятнадцать, но я все еще не участвовала в военных походах. Вот Нобутора с десяти лет ходил на войну со своим отцом. Как ни странно, он не ставил мне это в упрёк. Если подумать это Нобутора виноват в том, что у меня не было опыта в сражениях.

Вот уже десять лет клан Такеда не пытался покорить новые земли. Последняя большая битва была выиграна в день, когда родилась я. Мама рассказывала, что отец назвал меня в честь своей победы именем Кацучие, что означает «победа навсегда». Возможно, я бы и дальше его носила, но из-за конфликта с Нобуторой поменяла свое имя на «Харуна». Лишь единицы знают, что Такеду Харуну когда-то звали «Кацучи».

Этим же именем я представилась своим новым знакомым.

Там, в храме, самурая Канске я приняла за Хатимана. Но потом поняла, что передо мной не бог войны, а воришка...

Деревня и доспехи воина подтвердили слова парня. Но на самурая он не походил. Его манера речи, умение держать себя и его отношение к крестьянам были непохожими на то, что я обычно наблюдала. Буси скованы не только в своих движениях, но и в помыслах. С детства им вбивают правила поведения. Так что неудивительно, что многие самураи холодно относятся к крестьянам. Возможно, и я бы стала такой, если не Итагаки. Он часто брал меня с собой, когда посещал деревни в своих землях...

Пожалуй, я все же выдала свои эмоции. В кузнице нависла тишина...

— Думаю, можно его опробовать.

Голос Канске разрядил обстановку.

— Мастер, позвольте мне испробовать Ваш меч.

Мальчишка, почти юноша, посмотрел на самурая с надеждой.

— Тоторо, будь добр. Косака, а на чем ты его опробуешь?

Ответом на вопрос Канске стал арбуз, который позаимствовали у хозяина кузницы.

Я ожидала, что Канске играет с ним. Но он и вправду позволил мальцу опробовать свой меч. Редкое явление — для самурая катана сродни собственной душе и малознакомым людям он не даст даже пальцем к оружию прикоснуться.

Косака занес клинок. По стойке я сразу поняла, что он никогда раньше не держал меч. Удар пришелся по центру арбуза и разрубил его надвое.

— Ого, здорово.

— Братец Косака лучший!

Пока Тоторо и Юме хвалили парня, Канске лишь ободряюще улыбнулся.

— Косака, иди сбегай и принеси другой арбуз, — видя недоуменные взгляды мне пришлось добавить, — Канске, это ты должен проверить меч, раз являешься самураем.

На самом деле, я лишь хотела увидеть на каком уровне он владеет клинком.

Вместо арбуза парнишка принес дыню.

— Может не будим портить деликатесы? — попробовал отвертеться Канске.

— А мы их потом съедим, — настояла я.

Стойка Канске была неуверенной, будто он копировал кого-то. Удар получился хорошим благодаря приложенной силе, но не технике меча.

— Ну как? — спросил он меня.

— Довольно неплохо.

Может он и вправду был самураем с плохой подготовкой? Хотя многие мастера часто скрывают свою силу. Еще было слишком рано о чём-либо говорить наверняка. Канске был высокого роста, с худыми руками. Лицо чистое, волосы коротко стрижены. Его можно было принять за благородного или сына крупного торговца. Ведь в наше время никто другой не может позволить себе жизнь без труда. А глуповатое выражение, что показывалось часто на его лице, склоняло меня к мысли, что он не был учёным, который много времени проводил за изучением свитков...

— Пойдемте к нам домой и попробуем на вкус арбуз и дыню. — предложила Юме.

У девочки текли слюнки при взгляде на эти ягоды. Честь нести их выпала Косаке и Тоторо.

— А чё это жильё? — спросила я, как только мы вернулись в дом, где я впервые встретила Юме.

— Старосты, — ответ Канске меня удивил.

Даже я должна была признать, что мой отец относился к простому люду не очень хорошо. Взимая непомерные налоги, он ничего для них не делал взамен. Рис на столе уже был праздником для многих крестьян из Каи. Когда его не хватает — они едят овсянку. В нашей провинции много лесов, где обитают олени и другие звери. Но мой отец запретил крестьянам охотиться на них. Это было позволено только его вассалам. Тех, кто все же решался из-за голода, убивали по приказу лорда.

— Кацучи, а ты чего не ешь?

— Я не голодна.

— Точно не будешь? — все не отставал Канске.

— Как-то не прилично кушать, когда самурай не ест, — сказал, отодвинув от себя кусок арбуза Тоторо.

— Не смущай людей.

Подумав, что Канске прав, я взяла кусочек.

— Слушай, Кацучи. А что в этих свитках? — вопрос Канске застал меня врасплох. Взглядом он указал на мой мешок, что лежал в углу.

— Это секретные свитки.

— А могу я посмотреть?

— Нет, даже не думай. Тот, кто решит украсть их, будет казнен на месте.

Секретные свитки мне подарил Итагаки. Их когда-то написал великий китайский стратег. Из них можно было узнать многое. Например, как эффективнее управлять войсками и вести войну. Подобные свитки не показывали кому попало, даже в Китае их тщательно берегли. Пока я все это объясняла, они слушали, затаив дыхание.

— Понятно, но скажи хотя бы кто автор?

— Это трактат мастера Сунь-Цзы.

Услышав это, Канске закашлялся, подавившись кусочком дыни.

— Мастер, почему Вы так отреагировали? — спросил Косака.

— Простите... Просто я ожидал, что в свитках находятся сверхсекретная информация, раз из-за неё можно убить.

Прочистив горло, он продолжил:

— Так вот, получилось так, что я как бы читал в свое время книгу этого автора.

— Допустим, что это правда. Откуда же простой ронин достал такую ценность? — может Канске всё-таки шпион, пусть и неудачливый?

— Народ, я не лгу. Я вправду читал. Но где — сказать не могу. Если вы не забыли, у меня плохо с памятью.

— Ловко у тебя получается, ты читал, но не помнишь. Как тогда тебя проверить?

— А ты спроси. Я ведь не сказал, что не помню, о чем она была.

Я не поверила ему и решила испытать его:

— Скажи, о чем говорил великий стратег в первой главе книги.

— В первой части говорилось о плане...

Слушая речь Канске, я не верила своим ушам. Он конечно не цитировал книгу дословно, но говорил по смыслу. Я сама знала наизусть этот свиток. Но не могла понять некоторые места. По правде говоря, цитировать по памяти легче, но вот постигнуть саму суть слов — труднее. Пораженная, я тут же начала спрашивать о других главах свитка.

— Ничего если некоторые моменты я попытаюсь объяснить своими словами?

— Да.

Помнится, даже Итагаки не мог помочь мне понять некоторые изречения великого стратега. И вот теперь, среди крестьян, нелепый самурай объяснил мне их. Даже если я расскажу об этом своим родичам, они мне не поверят.

— Мастер, я счастлив служить вам. — Косака тоже оценил старания Канске

Это разожгло моё любопытство. Кто же Канске на самом деле? Обладатель тайных знаний не может быть простым воином.

— Спасибо за объяснение. Пока солнце не село, почему бы тебе не показать Косаке пару техник?

Канске не ожидал от меня подобного. Пока он сидел растерянно, радостный мальчишка вихрем унёсся куда-то. Оказалось, он бегал за боккенами.

— Откуда у тебя это? — спросил Тоторо.

— Дядюшка Тоторо, Косака давно тренируется с ними.

Слова девочки смутили Косаку. Посмотрев на лицо кузнеца, я поняла, что в деревне мало кто знал об этом увлечении. Самураям не нравилось, когда простые крестьяне пытались научиться владению мечом. «Их удел — рыть землю» — так любил повторять Амари. Возможно, дело было в страхе — ведь крестьян гораздо больше, и они могут восстать против знати.

Когда-то я спросила Итагаки об этом. Он ответил, что даже если дать меч крестьянину, он им и останется. Лишь позже я поняла его слова. В поход, вассалы лорда берут крестьян в свои войска. Как правило их вооружают копьями. Конечно, в битвах крестьяне гибнут пачками. Но даже вернувшись живыми и обученными войне, они редко идут против своих господ...

— Отлично! Ну, Канске, показывай!

Тот с явным нежеланием встал со своего места и взял протянутый боккен. Мне очень хотелось увидеть его стиль. В глубине души я надеялась, что он окажется настоящим мастером меча. Лидера клана в основном судят по свите. Если мне удастся склонить его на свою сторону, то моё положение укрепитя.

Слухи о том, что отец хочет отдать бразды правления кланом моей сестре были правдивыми. У него это давно бы получилось, если не привязанность Нобусины ко мне. Все потуги отца посеять раздор между нами лишь укрепили наши отношения. Да и не только она, но и другие мои братья и сестры любили меня. Лишь благодаря этому я все еще жива...

— Так, смотри внимательно, Косака, и повторяй.

Показанные движения не были чем-то выдающимся. Это были лишь простые удары. Неудивительно, что Косака огорчился. Он, как и все мы, ожидал увидеть нечто особенное.

— Вижу, я вас не впечатлил? Напрасно вы смотрите свысока на базовые движения.

— Канске, даже люди далекие от искусства меча поняли, что ты ничего не хочешь нам показывать, — сказала я.

— Юме, и ты не веришь мне? Тогда позвольте мне рассказать вам одну притчу. Когда-то жил один парень. Он тоже, как Косака, хотел овладеть боевыми искусствами, и пошёл учиться у мастера. Каждый раз он просил, чтобы его учили разным техникам. Со временем, мастер поддался уговорам и показал ему все приёмы, которые знал. Парнишка уверовал в свою силу и однажды в лесу подрался с отшельником. Тот вырубил его единственным движением. Когда очнувшись парень спросил его, как ему это удалось, тот ответил, что он повторял этот простой удар каждый день по несколько сотен раз.

— Я понял, мастер. Никогда больше не позволю себе сомневаться в Вас. — Косака смотрел на Канске такими преданными глазами, что тот смутился.

— Ну, в крайности ударяться тоже не стоит, — не смотря на свои слова, Канске был рад, что парень понял смысл, который тот хотел донести ему.

— А еще какие-нибудь истории знаешь? — спросила Юме.

— Давайте потом расскажу.

И снова Канске не раскрыл свои тайны. За разговорами мы не заметили, как быстро пролетело время. Крестьяне еще до заката вернулись с поля. Когда вошёл староста, в доме нас осталось четверо. Тоторо ушел к себе — помогать жене по хозяйству.

— Канске, одевай доспехи, у нас гости.

Пока Косака помогал ему с доспехами, я решила узнать, кто пожаловал.

Староста ушёл к соседям, попросить немного еды для стола. Так что обратиться с вопросами я могла лишь к малышке:

— А кто должен придти?

— Сендзиро.

— Он очень важный гость?

— Нет, он сын старосты.

Не знаю почему, но я не могла находить общий язык с детьми. Юме не была исключением — она тоже меня боялась.

— Сендзиро наверняка будет с человеком от лорда. Я ведь тебе об этом говорил.

В доспехах Канске выглядел иначе. Шлем закрывал половину лица, оставив глаза открытыми.

— Ну как я выгляжу?

— Неплохо.

Когда староста вернулся, Юме и Косака начали накрывать на стол. Канске ходил вокруг да около, видимо, он нервничал от предстоящей встречи. Вскоре, Сендзиро пришел с гостем.

— Господин, прошу войдите.

— Так вот каков ваш самурай?

Голос гостя был знаком, даже очень. Я стояла позади остальных, а Сендзиро вышел на улицу. Поэтому никто не видел, как я подала Итагаки сигнал не выдавать меня. Этот участок числился за ним. Его вассалы отвечали за соблюдением закона в этой части провинций. Итагаки обладал добрым нравом. Он часто помогал простым крестьянам, так что его присутствие не было из ряда вон выходящим. Пока Итагаки сидел за столом, я вместе с остальными стояла на ногах. В знак уважения он принял еду — ведь в его имении слуги подавали совсем другие блюда.

Канске, коротко рассказав о себе, задал вопрос:

— Так Вы берете меня на службу?

— Не так быстро. Всё что ты рассказал — невероятно. Ронин, у которого хорошие доспехи и оружие. Было бы глупо терять такой ценный кадр, заставляя тебя служить здесь.

— Ну, я как бы не против...

— Похвально, что ты не просишь о многом. Нынешняя молодежь только и знает слова «дай то, дай это».

— А что, если вы сыграете в сёги? — оба самурая уставились на меня.

Канске показался мне отнюдь не дураком. Я хотела, чтобы он понравился Итагаки.

Сёги — игра в которой побеждают благодаря уму. Именно ей в первую очередь научил меня мой приёмный отец. По нему можно было определить, насколько хорошо человек разбирается в стратегии. Мне очень редко удавалось побеждать Итагаки. Он был опытным игроком и всегда таскал с собой доску сёги, вместе с фишками.

— Но позвольте, я не умею в нее играть.

— Ничего, сейчас научим, — сказав это Итагаки начал объяснять правила сёги.

Немного подумав, Канске всё же решился на игру.

Они играли почти три часа, но победитель так и не был определен.

— Весьма неплохо, если учитывать, что это твоя первая партия.

Итагаки редко хвалил соперников в сёги.

— Так что Вы скажете?

— Боюсь я должен отказать. Видишь ли, у меня и так полно вассалов... — слова Итагаки огорчили старосту и остальных.

Всё-таки своим подчинённым он платил из собственного кармана, который был не бездонным. Это также означало, что пока деревня будет обходиться без самурая.

— А что, если я буду просто жить здесь и служить Вам.

— Ты имеешь в виду, что готов служить за еду, которую будут давать тебе крестьяне?

Получив в ответ кивок, Итагаки продолжил:

— Только из-за того, что ты пока ещё ронин, я закрываю на это глаза. Запомни — самурай умрет, но не будет простым сторожевым псом. Это оскорбляет как тебя, так и меня. Что будут говорить обо мне люди, если подумают, что это я так обошелся с тобой?

— А если я приму его на службу? — никто в доме не ожидал услышать от меня такого.

— Ты точно в этом уверена? — спросил Итагаки.

— Да.

— Что-то я не совсем понимаю происходящее.

— Видишь ли, Канске, я — Такеда Харуна.

— Очень смешно, Кацучи. Прямо умираю со смеху, — с иронией отреагировал Канске.

Остальные же бурно выразили своё удивление:

— Ээ?! Ты это серьезно?

— Я не врала вам. Когда-то меня звали Кацучи.

— С именами разобрались, так что вернёмся к теме. Позволь уточнить — ты не со зла берешь меня на службу? — внезапно спросил Канске.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты ведь приняла меня за вора там, в храме? И я признаю, что тогда недостойно себя вёл.

— Если ты думаешь, что я возьму тебя на службу из-за мести, то глубоко ошибаешься. Даже мысль об этом оскорбительна.

Канске извинился, убедившись в искренности моих слов.

— Извините, что встречаю со своим вопросом. Вы встретились в храме Хатимана? — спросил нас староста.

— Да.

— Возможно, эта встреча не случайна... — от слов старика, даже Итагаки задумался.

— Эм... И что теперь? Поклониться и торжественно произнести клятву?

Я и Итагаки переглянулись.

— Занятно, что ты помнишь Сунь-Цзы, но забыл о бусидо. Верность доказывается делом, а не словами, которые красотой скрывают пустоту. Следи за речью — молчание лучше лжи. Думай, прежде чем что-то обещать — если откажешься от своих слов, то навлечёшь на себя бесчестье. Когда лишь сэппуку будет единственным способом смыть позор, а ты сбежишь — я тебя самолично из-под земли достану. И самое главное — твоя верность будет принадлежать мне и только мне. Помни об этом, Канске!

<http://tl.rulate.ru/book/1247/24790>